

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу обучающейся СПбГУ

Светланы Борисовны Говоровой

по теме «Древнерусские книжные писцы XV-XVII вв. по материалам древнерусских библиотечных описей (Кирилло-Белозерского, Соловецкого монастырей и библиотеки Новгородского Софийского собора)»

Тема работы С. Б. Говоровой представляется вполне актуальной и чрезвычайно интересной. Изучение писцовой практики становится популярным в последнее время, но привлечение книжных описей в качестве объекта исследования в подобном аспекте происходит, по-моему, впервые. Являясь в данном случае первопроходцем, С. Б. Говорова вряд ли ожидала, что найдет в описях так мало материала, касающегося деятельности писцов. На ограниченном материале всегда сложно сделать убедительные выводы. Картина была бы более наглядной, если бы автор работы сравнила данные, полученные из книжных описей, с данными, например, монастырских раздаточных книг (раздаточные книги – это тексты, фиксирующие выдачу книг в монастыре и возврат их в монастырскую библиотеку; раздаточные книги Кирилло-Белозерского монастыря недавно были опубликованы А. А. Романовой). Выбор книжных центров, описи которых стали объектом исследования, представляется вполне правомерным, но недостаточно обоснованным. Постулируемая С. Б. Говоровой «территориальная близость» (с. 5) весьма относительна. Скажем, Антониево-Сийский монастырь находится к Соловецкому гораздо ближе, чем Кирилло-Белозерский. И вообще, отнесение Кирилло-Белозерского монастыря к «северо-западу» (с. 5) вызывает большие сомнения. Что же касается епархиальной принадлежности, не учитываемой автором работы, то Софийский собор и Соловецкий монастырь (кстати, и тот же Антониево-Сийский монастырь) принадлежали Новгородской епархии, а Кирилло-Белозерский оказывался то в ведении Ростовской епархии, то Вологодско-Пермской, то Вологодской. Очевидно, что территориальный принцип здесь не работает. Поэтому, не сомневаясь в правомерности объединения материалов Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, я все же хотела бы видеть более серьезное обоснование этой правомерности, нежели формальный территориальный принцип, не очень уместный в данном случае.

Сформулированные в работе задачи, в целом, соответствуют специфике материала, а структура работы отвечает задачам, поставленным перед собой исследовательницей. Однако среди обозначенных задач есть совершенно нелепая для работы, претендующей на серьезность – «Обобщить полученные результаты и сделать соответствующие необходимые выводы» (с. 7), поскольку обобщение результатов и формулирование выводов *a priori* является неотъемлемой частью нормальной научной работы, в том числе и квалификационной.

Во «Введении», безусловно, не хватает правил передачи рукописного текста, который С. Б. Говоровой приходится достаточно часто цитировать. Эти правила не только не вербализованы исследовательницей, но, по-моему, не существуют и в ее сознании. Так, на с. 11 приведены две цитаты. в одной мы обнаруживаем имя «костя» со строчной буквы, в другой – «Иоанн зовомый петля» имя написано с прописной буквы, а прозвище – со строчной; и причастный оборот при этом не выделен. На с. 48 в соседних цитатах дважды упоминается «книга Ефрем» (под этим названием явно подразумевается в описи книга

поучений Ефрема Сирина): в одном случае имя «Ефрем» написано с прописной буквы, а в другом – со строчной. Непоследовательность проявляется и в указании на источник цитирования древнерусского текста. На с. 48, например, приведены 8 цитат из соловецкой описи 1676 г. без единой ссылки на листы рукописи или на страницы издания. Или, например, на с. 51 исследовательница пять раз цитирует опись Софийского собора 1716 г.: первый раз – без ссылки. Примеров такого рода небрежности, к сожалению, много.

Последовательно решая поставленные перед собой задачи, С. Б. Говорова попутно ставит еще целый ряд вопросов, причем далеко не всегда оправданно. Говоря о составителе описи, исследовательница называет его «условным библиотекарем» (с. 35), и, задаваясь вопросом, почему он в одних случаях указывает имя писца, а в других случаях нет, С. Б. Говорова утверждает: «мы неизбежно столкнемся с проблемой культуры библиотекаря» (с. 35). Заметим, что эпитет «условный» уже исчезает. По логике С. Б. Говоровой получается, что к созданию монастырской описи причастна уйма народу: книги описывает условный библиотекарь, иконы – условный иконописец или условный дьякон, который возжигает перед ними свечи, монастырские храмы – условный строитель, монастырские запасы – условный келарь, а котлы в поварне – условный повар. Сначала, нужно ответить на вопрос, кто составляет опись, чтобы понять, что проблема «культуры библиотекаря» – проблема надуманная.

Библиографический список в работе С. Б. Говоровой весьма представительен, а разделы работы, посвященные обзору исследовательской литературы, создают более или менее целостную картину истории вопроса. Однако как в находящемся в конце работы списке, так и в главе I «Историография» есть некоторые неточности и пропуски. Так в § 4 этой главы («Проблема древнерусского книжного писца в историографии») С. Б. Говорова затрагивает работы, никак не связанные с ее материалом (например, работы о псковском писце Домиде или писцах Изборника 1076 г.), но совершенно упускает из виду книгу, имеющую непосредственное отношение к писцовой деятельности в Кирилло-Белозерском монастыре: Энциклопедия русского игумена XIV-XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003. Если же говорить о работах общего и справочного характера, касающихся древнерусских писцов, то неплохо было бы познакомиться (и соответственно, отразить это знакомство в § 4) с книгой Л. В. Столяровой «Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв.» (М., 2000), а самое главное – с критическим откликом на нее, монографией Л. В. Мошковой и А. А. Турилова «Плоды ливанского кедра» (Б. м., 2003). Эта полемика являет собой определенный этап в изучении писцовой практики и чрезвычайно важна в понимании методики работы с материалом подобного рода.

Можно сделать еще несколько мелких библиографических замечаний. С. Б. Говорова опирается на статью Е. Э. Шевченко 1991 г., посвященную иноку Мартиниану, не зная о существовании недавно вышедшей монографии об этом книжнике: Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец / Подгот. текстов, перевод и исследование Е. Э. Шевченко. СПб., 2014. Монографическое издание-исследование описей Соловецкого монастыря на с. 14 некорректно названо сборником. Работа Л. В. Столяровой «Древнерусское книгопроизводство XI-XIV вв. по материалам записей на книгах» приведена в сноске 1 без выходных данных и не включена в библиографический список в конце работы. Том 64 «Трудов Отдела древнерусской литературы», вышедший

несколько месяцев назад, обозначен в библиографическом списке как находящийся в печати.

Приведенные С. Б. Говоровой таблицы добавляют работе наглядности, однако делают, в свою очередь очевидными и пропуски исследовательницы. Так, например, в Таблице 1 обескураживает полупустая ячейка, в которой должны бы находиться сведения об иноке Мартиниане («Мартемьян»). Как показывает приведенная литература, С. Б. Говорова знакома со статьей Е. Э. Шевченко об этом книжнике, но она не смогла извлечь из этой статьи никаких сведений о происхождении писца и его статусе в монастыре. Аналогичная ячейка, относящаяся к Тихону Азацкому, и вовсе оказалась пуста, поскольку от С. Б. Говоровой ускользнули работы И. М. Грицевской. Напротив имени «Арсений» также оказалась пустая ячейка, которую не сложно было бы заполнить, знай С. Б. Говорова статью О. Л. Новиковой «Чернец Арсений и рукописи XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря» (Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 192-200). Что касается помещенной в Приложении таблицы под названием «Писцы древнерусских рукописей по современным описям Отдела рукописей РНБ», то остается совершенно непонятным, зачем в нее включены рукописи, писцы которых не обозначены.

Самой, пожалуй, слабой стороной работы С. Б. Говоровой является ее язык. В работе можно найти ошибки практически по всем параметрам современного русского языка. Примером лексической ошибки может служить настойчивое употребление фантастического глагола «проидентифицировать» и производных от него (с. 17 и 55) вместо нормального «идентифицировать». Другой странный случай обращения с русской лексикой имеет отношение к прилагательному «занимательный». На с. 23 автор работы пишет, что Э. А. Гордиенко «оставляет ряд занимательных суждений» о книжных описях, а на с. 58 называет занимательными уже свои собственные выводы. Знает ли С. Б. Говорова значение слова «занимательный»? Отдавая должное грамматике русского языка, автор работы путает падежные формы личных местоимений. Так на с. 47 вместо «среди указанных *ею* мастеров книжного дела» С. Б. Говорова пишет «среди указанных *ей* мастеров книжного дела», путая формы творительного и дательного падежей. И получается, что не Е. В. Крушельницкая указала имена писцов, а кто-то неведомый назвал эти имена исследовательнице.

Стилистические ошибки в работе не поддаются исчислению. Иногда они просто смешные, например, фраза, явно спровоцированная современным канцеляритом: «...обзорное исследование П. И. Савваитова от 1861 г. ...» (с. 16). Или: «...воспроизведение картины осознания древнерусского писца...» (с. 34). Или, например, утверждение, что книжный реестр XV в. был создан «для личного бытового использования» (с. 38). В чем же заключается бытовое использование книжного реестра? В качестве подставки для утюга?

Иногда это просто вычурно-бессмысленные высказывания, например: «Сейчас мы располагаем современными описями и различными источниками, так же, как и древнерусские, содержащими книжные инвентари рассматриваемых собраний, но не являющимися монастырскими древнерусскими описями» (с. 57). Естественно, современные библиотечные описи не являются древнерусскими монастырскими описями!

Иногда стилистическая небрежность приводит к искажению смысла, как в случае с фразой на с. 50: «Здесь нам придется прибегнуть к несколько расширительной трактовке

заявленных хронологических рамок. Но обусловлено это будет исключительно отсутствием источникового материала, необходимого для анализа, дошедшего до нас со времен Древней Руси». Я не говорю уже о «расширительной трактовке хронологических рамок», достаточно того, что из Древней Руси до нас доходит не материал, а анализ.

Примеры подобного отношения к русскому языку можно найти едва ли не на каждой странице работы. Беспомощность, а порой и безграмотность, формулировок не позволяет оценить в полной мере сами наблюдения автора работы над монастырскими описями.

26.05.2017

Светлана Алексеевна Семячко,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН

